

Августа 13 (26)

Священномученик
Серафим (Звездинский)

Священномученик Серафим (в миру Николай Иванович Звездинский) родился 7 апреля 1883 года в семье единоверческого священника Иоанна Звездинского. Начало свое Звездинские берут от рода Бонефатьевых, старообрядцев-беспоповцев. Иван Гаврилович Бонефатьев, будущий отец владыки Серафима, горя желанием просвещения, пешком отправился из Солигалича в Петербург и подал прошение на Высочайшее имя о своем причислении к Православной Церкви. Он был принят в единение с Российской Православной Церковью, наименован Звездинским и определен на должность чтеца при храме на Волковом кладбище в Петербурге, где у него обнаружили редкие музыкальные способности и прекрасный голос.

В Петербурге он женился на дочери единоверческого священника Евдокии Васильевне Славской, принял духовный сан и получил место священника во Ржеве. С начала 80-х годов отец Иоанн служил в Москве. Состоя настоятелем Троицкой церкви, отец Иоанн Звездинский заслужил всеобщую любовь и уважение и вскоре был назначен благочинным всех единоверческих храмов.

В 1885 или 1886 году скончалась совсем молодая супруга отца Иоанна, и трехлетний Николай остался без матери.

Рассказывая о своем детстве, владыка отмечал, что его, маленького, неопустительно будили в церковь к ночной службе под праздники. Утренняя по единоверческой традиции совершалась ночью. И в холод, и в непогоду его вели в храм, где он часто засыпал, но присутствие на богослужении считалось необходимым для воспитания.

Отец приучал Колю любить церковную службу, храм, пение и чтение. На клиросе Коля читал охотно и четко. Чтобы он мог видеть лежащий на аналое Часослов, подставляли скамеечку. Однажды маленький Коля вошел в алтарь через царские врата. Видевшие выразили уверенность, что младенец станет служителем Престола Божия.

Взирая на отца, совершавшего литургию, Коля с трепетом внимал его пламенной молитве. «Видно, папа за меня молился в то время, – говорил потом владыка. – Может быть, он испросил у Бога и эту милость, что я пошел по пути служения Церкви Божией».

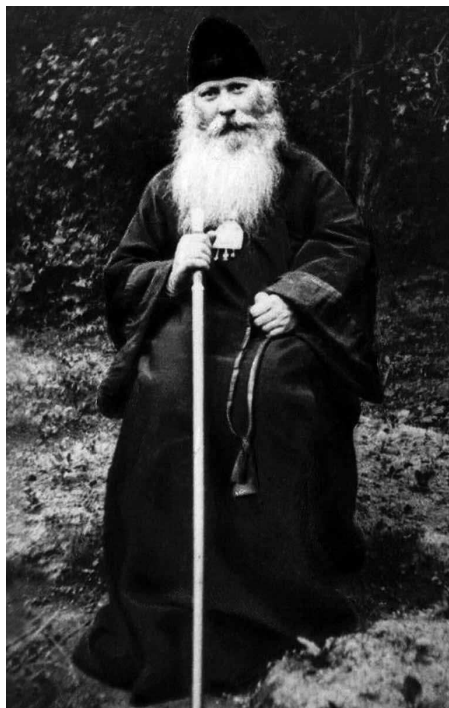
Учиться Колю отдали в церковное училище при единоверческой церкви, а по окончании ее, в 1895 году, – в Заиконоспасское Духовное училище, что на Никольской улице. С 1899 года Николай Звездинский – учащийся Московской Духовной семинарии.

В комнате Коли висел образ святителя Николая во весь рост, перед которым он ежедневно молился о даровании способности говорить слово Божие – поучения и проповеди. И Господь наградил его этим даром.

В храме Христа Спасителя в Москве епископом Парфением (Левицким), бывшим незадолго до этого ректором семинарии, совершено было посвящение Николая в чтеца и иподиакона.

В 1902 году, на втором курсе семинарии, когда Коле было 19 лет, он тяжело заболел лимфангоитом, болезнью, тогда практически неизлечимой, но чудесным

образом был исцелен по молитве перед привезенным игуменом Саровской пустыни Иерофеем образом еще не прославленного старца Серафима. В Саров отец Иоанн послал заверенное врачами свидетельство об исцелении и благодарственное письмо отцу Иерофею. Образ кроткого старца навсегда стал семейной святыней и сопровождал владыку Серафима почти всю его жизнь. Через год после этого Коля стал свидетелем и участником торжеств прославления преподобного Серафима Саровского. Исполненный благодарности за исцеление сына, отец Иоанн написал службу преподобному Серафиму.

Епископ Серафим (Звездинский)

Семинарию Николай Иванович Звездинский окончил в 1905 году одним из лучших учеников и поступил в Московскую Духовную академию.

За годы учения в академии Николай утвердился в выборе монашеского пути. У раки преподобного Сергия вместе со своим другом Виталием Ставицким (будущим епископом Филиппом) дал он обет принять постриг.

В это же время стал он духовным сыном старца Зосимовой пустыни иеромонаха Алексия (Соловьева).

В канун Крещения 1907 года скончался отец Николая, протоиерей Иоанн Звездинский. Единоверцы обратились к Московскому митрополиту Владимиру (Богоявленскому) с просьбой поставить Николая Ивановича настоятелем на место отца. Но владыка, видя в Звездинском яркие духовные дарования, их желание не исполнил.

Вероятно, в Зосимовой пустыни Николай познакомился с архимандритом Чудова монастыря Арсением (Жадановским) и вскоре стал частым его посетителем. Отец Арсений полюбил скромного, духовно настроенного студента. Беседовал с ним как с другом, живо интересуясь его жизнью.

Однажды отец Герасим (Анциферов), имевший послушание стоять у раки святителя Ионы в Успенском соборе Кремля, взял Николая с собой в гости к духовным чадам и, прибыв к ним, отрекомендовал его:

– Я привел вам нашего Чудовского архимандрита.

– Отец архимандрит, – говорил отец Герасим про Николая отцу Арсению, – это наш будущий настоятель, архимандрит Чудовский.

Решившись на постриг, Николай испросил благословения и молитвенной помощи у своего старца – отца Алексия и у архимандрита Арсения. Отец Арсений благословил его образом Воскресения Христова.

По дороге в Лавру, в день пострига, Николай Иванович попросил сопровождавшего его игумена Зосимовой пустыни отца Германа (Гомзина) сказать свое наставление. «Будь воином Христовым, – сказал отец Герман, – чувствуй себя всегда стоящим в строю перед лицом Начальника твоего, Спасителя Бога. Не видишь, а сердцем чувствуй, зри Его близ себя. Весь будь в струнку, всегда неопустительно. Знаешь, солдат стоит в строю, начальник отошел... воин не видит его, но чувствует его присутствие и стоит начеку, так и ты не забывай, что Бог всегда с тобой!»

26 сентября 1908 года после всенощного бдения совершился монашеский постриг Николая Ивановича с именем Серафим в честь преподобного Серафима Саровского. Небесным миром сияло его лицо, когда после пострига подходили к нему монахи, спрашивая: «Что ты есть имя, брате?»

В день Казанской иконы Божией Матери, 22 октября 1908 года, в академическом Покровском храме ректор посвятил монаха Серафима в иеродиакона, а 8 июля, на Казанскую следующего, 1909 года, совершилось его посвящение во иеромонаха. В этом же году он окончил Духовную академию со званием кандидата-магистранта богословия и вскоре получил назначение преподавать историю Церкви в Вифанской семинарии.

«Я молился за каждого своего ученика, – вспоминал потом владыка. – Вынимал за каждого частицу на проскомидии, и это, видимо, чувствовали они своими душами».

Жил он строго, много молился и постился: супа 8 ложек, по числу слов молитвы Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Маленькие порции обеда делил пополам.

21 сентября 1912 года отца Серафима перевели в Московскую Духовную семинарию на должность преподавателя гомилетики и соединенных с нею предметов.

8 июня 1914 года архимандрит Арсений (Жадановский) был хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии, с оставлением в должности заместника кафедрального Чудова монастыря, а 10 июня иеромонах Серафим был возведен в сан архимандрита, назначен помощником заместника монастыря и освобожден от должности преподавателя Московской Духовной семинарии.

С августа 1914 года по август 1915 года он исполнял обязанности столичного наблюдателя церковноприходских школ. В 1914 году он был избран председателем общества хоругвеносцев кафедрального Чудова монастыря.

Исполняя обязанности настоятеля монастыря, архимандрит Серафим был строг к себе и другим в соблюдении уставов монашеского жития. «Миряне несут тяготу на фабриках, заводах, в трудах, – говорил он братии, – поэтому монахам должно со смирением являться на молитвенное бдение в урочный час». Все вопросы управления монастырем отец Серафим согласовывал с епископом Арсением: «Как владыка, так и я».

В Чудовом монастыре пережил отец Серафим обстрел Кремля в 1917 году.

Мощи святителя Алексия, главную Чудовскую святыню, с начала обстрела 27 октября/9 ноября 1917 года перенесли в деревянном гробе в пещерную церковь, в подземелье, где 300 лет назад томился в заключении священномученик Патриарх Ермоген. Здесь, под нескончаемый грохот орудий, днём и ночью молились о России архимандрит Серафим со всей братией и гостями Чудова монастыря, делегатами Поместного Собора – будущим священномучеником митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским), архиепископом Гродненским Михаилом (Ермаковым), архиепископом Новгородским Арсением (Стадницким), епископом Белостокским Владимиром (Тихоницким) и с Зосимовским старцем иеросхимонахом Алексием (Соловьевым).

Представители новой власти закрыли Кремль, с весны 1918 года начали поступать распоряжения о выселении монахов. Осложнилась и внутренняя жизнь братии. 26 июля 1918 года, в день празднования Собора Архистратига Гавриила, епископ Арсений и архимандрит Серафим навсегда покинули Чудов монастырь¹.

Погостив в Зосимовой пустыни, владыка Арсений и архимандрит Серафим переехали в августе 1918 года в Серафимо-Знаменский скит к схиигумении Фамари (Марджановой), любящей духовной дочери владыки. Матушка окружила изгнанников заботой; имея в лесу близ скита маленький домик, устроила для них киновию. Здесь, в полном уединении, они молились и трудились: копали грядки, рубили дрова. Отец Серафим читал Священное Писание по правилу преподобного Серафима: за неделю – четыре Евангелия, Деяния Апостолов и Послания. Ежедневно он сослужил епископу Арсению в киновином храме во имя святителя Иоасафа.

Ежедневное совершение Божественной литургии навсегда сроднило их. Всю жизнь они считали потерянными дни, в которые не служили литургию без какой-либо основательной причины: тяжелая болезнь, путешествие или заключение.

В конце лета 1919 года архимандрит Серафим был вызван Святейшим Патриархом Тихоном в Москву. Помолившись, проводил владыка Арсений своего друга и брата. Патриарх объявил, что имеет в нем нужду и желает видеть в епископском сане. Старец Алексей благословил отца Серафима на архиерейское служение.

3 января 1920 года, в день святителя Петра, митрополита Московского, в храме Троицкого подворья Святейший Патриарх Тихон совершил епископскую хиротонию архимандрита Серафима в сослужении митрополита Владимирского Сергия (Страгородского), архиепископа Харьковского и Ахтырского Нафанаила (Троицкого), епископа Вятского Никандра (Феноменова) и епископа Аляскинского Филиппа (Ставицкого).

Вручая посох новопоставленному епископу, Святейший сказал: «Господь призвал тебя быть епископом и сподобил сего великого сана в день празднования первого святителя Московского Петра. Сказано в тропаре сему святому, что он был утверждением граду Москве. Желаю, чтобы ты был для града Дмитрова тем же, чем был святитель Петр для Москвы. Будь и ты утверждением граду Дмитрову».

Во время праздничного обеда митрополит Сергей (Страгородский), взяв свою столовую ложку, заметил: «Советую, владыка, запастись ложкой, придется Вам в тюрьму идти. Не забывайте этого предмета, он там будет очень нужен».

---

¹ Окончательно Чудов монастырь был закрыт по приказу от 9 октября 1918 г. Оставшейся братии было предписано удалиться в Новоспасский монастырь.

Патриарх Тихон, напутствуя епископа Серафима на труды архиерейские, сказал: «Иди путем апостольским... где придется пешком – пешком иди. Нигде ничем никогда не смущайся. Неудобств не бойся, все терпи. Как ты думаешь, даром разве кадят архиерею трижды-по-трижды? Нет, не даром. За многие труды и подвиги, за исповеднические его болезни и хранение до крови веры Православной».

25 января 1920 года, в день святой мученицы Татианы, владыка Серафим прибыл в Богом данный ему удел. Еще в 1915 году, будучи Чудовским архимандритом, он проезжал Дмитров, когда вместе с епископом Арсением возвращался в Москву из Пешношского монастыря. Возле собора лошади стали и отказывались двигаться с места. Владыка и архимандрит пошли в собор и приложились к главной святыне города – Животворящему Кресту. Епископ Арсений сказал тогда, что событие это, видимо, не случайное, есть в нем указание на какое-то Божие изволение. И теперь владыка Серафим, в сане епископа прибыв в Дмитров, прежде всего совершил благодарственный молебен.

Три года, проведенные им в Дмитрове, остались для жителей города незабываемыми. Пламенная молитва, приобщение отпавших, взыскание заблудших, утешение старцев, воспитание подростков, непрестанное поучение словом Божиим – таким было его служение.

Дмитровцы полюбили трогательное и вдохновенное служение владыки и старались не упускать возможность с ним молиться. После окончания службы они с пением молитв провожали его до самого дома. Вечерами после всенощной, в темноте, стоя на высоком крыльце, подолгу не расставался епископ со своими чадами, продолжавшими пение акафиста.

Спустя много лет, в 1930 году, находясь уже в изгнании в Меленках, владыка Серафим в письме к своей дмитровской пастве вспомнил это время: «Чада мои, зело о Господе возлюбленные, с ними же разлучен телом, но соединен духом в молитве, премного благодарствую за ваше приветствие моего недостойнства с десятилетнего моего странствия. Премного вспоминал вас всех, больших и малых, когда читал житие святителя Григория Акрагантского, – в сем житии про вас написано: когда епископ вышел из церкви, весь бывший у утрени народ пошел за ним, ибо у акрагантцев таков был обычай – всегда провожать своего епископа от храма до самого дома. Дошедши до своих дверей, святитель Григорий обращался к провожавшим, давал им разные наставления и благословлял их.

Когда прочитал я эти слова в житии, так и вспомнилась мне служба в Подлипецком храме, как вы меня всегда провожали до дома, и я своими грешными руками благословлял вас всех.

Так и теперь издалека благословляю вас всех сим библейским благословением. Да благословит вас Господь. Да сохранит вас. Да просветит Господь лице Свое на вас и помилует вас. Да воздвигнет Господь лице Свое на вас и да даст нам мир. Аминь».

В годы служения в Дмитрове владыка учредил братство Животворящего Креста Господня, имевшее целью «в молитвенном единении почерпнуть духовные силы к созиданию своей жизни по заветам Господа нашего Иисуса Христа – служить Христу и во Христе и ради Христа ближнему». Сыновняя преданность святой Православной Церкви и послушание всем ее узаконениям утверждалась уставом как прямой долг братчиков. Особенно должны стараться братчики проводить в жизнь самую главную евангельскую заповедь: «Любите друг друга».

Архипастырское служение епископа Серафима было утверждением и претворением в жизнь горячей любви ко Христу, христовой любви к ближнему и верности Православной Церкви. Паству свою воспитывал он в духе благоговейного отношения ко всем церковным уставам, а от священнослужителей требовал их неопустительного соблюдения. Как и в Чудове монастыре, строгим к исполнению обетов и уставов, неустанным, любящим и заботливым наставником стал епископ Серафим для монашествующих своей епархии. Объезжая приходы, вверенные его управлению, он непременно навещал монастыри, посещая их во все престольные праздники. В его викариатстве находились такие известные обители, как древний Николо-Пешношский и Спасо-Влахернский монастыри. Владыка особенно ценил чинность, благообразие и стройность богослужения, отличавшие Влахернскую обитель, почитал подвизавшуюся в нем старицу-схимонахиню Серафиму (Кочеткову). В Николо-Пешношском монастыре, «Второй Лавре», по слову митрополита Платона (Левшина), епископ Серафим по благословию Святейшего Патриарха Тихона возвел настоятеля отца Ксенофонта в сан архимандрита, а в начале 1921 года постриг его в схиму с именем Онуфрий.

Однажды, когда епископ Серафим приехал к своему старцу Алексию, тот благословил его прозрачным темно-красным, как кровь, крестом и прочитал тропарь священномученический: «И нравом причастник, и престолом наместник апостолом быв, деяние обрел еси, богодухновенне, в видения восход: сего ради слово истины исправляя, и веры ради пострадал еси даже до крове».

В один из приездов в Зосимову пустынь, 17 июля 1922 года, накануне праздника преподобного Сергия, исповедавшись у отца Алексия и побеседовав с ним, владыка вышел из келии. Здесь приступили к нему старшие из братии с поклоном и просьбою: «Владыка святой, отец настоятель наш, старец схиигумен Герман, ослаб, управлять почти не может, просим заменить его. Желаем отца Феодорита настоятелем. Хороший хозяин, растит овощи на сельскохозяйственную выставку». – «Забыли, – ответил архипастырь, – что отец Герман пришел в дремучий лес, воздвиг обитель, в которой вы живете. Все создано его трудами и заботами: собор, колокольня, вся обитель. Он великий за вас молитвенник, его молитвами все живете здесь. Но скажу вам: как только охладает рука схиигумена Германа и не будет перебирать с молитвою четки, все вы рассыпетесь и никого здесь не останется. Господу ваша капуста не нужна».

На праздничной всенощной все ждали, что владыка Серафим выйдет на величание, но после этого разговора с братией он сел в экипаж и уехал в Дмитров.

Всего через полгода, 1 февраля 1923 года, скончался схиигумен Герман. Отпевал его епископ Варфоломей (Ремов). После отпевания духовные чада старца увидели у святых ворот две тройки.

– Что случилось? – спросили богомольцы.

– Приехали, грозят пустынь закрыть²... Поскорее бы зарыть могилу отца Германа.

На Пасху 1922 года епископа Серафима вызвали в Дмитровский исполком. Собрался народ, требовал его возвращения: «Отдайте нам нашего владыку!» Власти разрешили ему выйти на балкон, однако и после этого народ не успокаивался, кричал. Тогда владыку отпустили. Народ с торжественным пением «Христос воскрес!» вернулся в собор со своим пастырем. В конце года пришла

---

² Окончательно обитель была закрыта 6 мая, в день памяти вмч. Георгия.

повестка – епископа вызывали в Москву. В день Знамени Пресвятой Богородицы, 10 декабря 1922 года, владыка Серафим в последний раз служил в Дмитрове торжественное богослужение.

12 декабря, прибыв в Москву, направился на Лубянку, где был арестован. После окончания допросов его перевели в Бутырскую тюрьму. Обильным потоком потекли передачи. Владыка Серафим делился всем, что получал. Утешал союзников словами сострадания, молитвой, любовью. Совершал здесь Божественную литургию, исповедовал тех, кто никогда не был на исповеди, причащал, ободрял, утешал отчаявшихся и безнадежных. Устроение его сердца в это время хорошо характеризуют строки из письма 1923 года, посланного из Бутырской тюрьмы духовным чадам: «Мир вам и радость от Источника радости Христа Господа, все дорогие, родные дети мои, непрестанно в темничной молитве моей поминаемые: благослови вас Господь, слава Богу за все – и за тюрьму, слава Ему, что не обошел Он меня своею милостию... Благодарю вас всех за вашу любовь ко мне. Милость Божия и Покров Царицы Небесной да будет над всеми вами. Ваш богомolec Е. Серафим.

Кто со слезами
Свой хлеб не едал,
Кто никогда от пелен до могилы
Ночью на ложе своем не рыдал,
Тот вас не знает, небесные силы.
Это поют у нас».

Тело владыки, изъеденное вшами, покрылось струпьями, и врач не мог приложить трубку, приходилось подкладывать бумагу. Начались сердечные приступы. Владыку перевели в «околоток», где был полубольничный режим, больше воздуха, прогулки и – духовенство храма Христа Спасителя, но приехавший прокурор, заметив у кровати епископа Серафима образы Скоропослушницы, преподобного Серафима и других святых, прилепленные хлебом к стене, приказал перевести владыку в общую камеру.

В Бутырках сложил епископ Серафим акафист Страждущему Христу Спасителю: «В несении креста спасительного, десницею Твоею мне ниспосланного, укрепи меня, вконец изнемогающего».

30 марта 1923 года, в день Алексия, человека Божия, епископу Серафиму вынесли приговор: «Два года ссылки в Зырянском крае». Духовные чада просили у властей разрешения владыке ехать без конвоя, но получили отказ. В апреле епископа Серафима перевели из Бутырской в Таганскую тюрьму. В полночь под праздник иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», 14 мая 1923 года, поезд увез владыку в ссылку этапом в Усть-Сысольск³. Прощаясь с духовными детьми, владыка писал: «Слава Богу за все. Праздную, светло торжествую четвертый месяц душеспасительного заключения моего. Благодарю Господа, благодарю и вас, во Христе Иисусе родные мои, любимые и приснопоминаемые дети и детки мои, за все ваши участливые заботы о мне, грешном. Господь да воздаст вам сторицею в сем веке и наипаче в будущем».

Епископ Арсений и схиигумения Знаменского скита матушка Фамарь благословили послушницу Анну Патрикееву следовать за ссыльным епископом и быть во всем ему помощницей. Послушницу Клавдию Ляшкевич настоятельница

---

³ В 1930 г. Усть-Сысольск переименован в Сыктывкар.

Дмитровского Борисоглебского монастыря игуменья Сергия благословила быть второй помощницей Преосвященного Серафима. В Вятке была пересадка, затем около двух недель ждали отправки в Котлас. Епископ так обносился, что даже заключенные смеялись: «Владыка, ваш подрясник вороне на гнездо не годится». А в Бутырьках у него было все: и белье, и три подрясника, но он их раздал.

Прибыли в Котлас. Арестантов расконвоировали. Была Троицкая суббота – и духовенство решило пойти в церковь. Три епископа: Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров) и Николай (Ярушевич) – вошли в храм, но оказалось, что храм обновленческий. Ссылные архиереи вышли.

Далее – путь пароходом по Вычегде. На третий день прибыли ссылные к берегам Усть-Сысольска.

Первую литургию в ссылке владыка служил 2 июня в день святителя Алексия, митрополита Московского. Просфор не было, для литургии взяли чистую постную баранку. Но уже 7 июня епископа Серафима, Чудовского игумена Филарета (Волчана) и Дмитровского благочинного отца Иоанна Муравьева срочно отправили пароходом в Визингу, куда прибыли утром на третий день. Долго искали пристанища, так как принять в свой дом никто не хотел. Говорили: «Опасно: люди преступные, близко закрома с хлебом. Запоры у нас плохие, не можем»... В Визинге дома так и не нашли и поселились в селе Средний Кольель.

На первый месяц денег и продуктов хватило, дальше пришлось менять что было. Но к этому времени дмитровцы узнали адрес владыки и снарядили посланницу Таню. В июле она приехала, привезла подарки и письма, а епископ Серафим писал в ответном письме:

«1923 г. Июля 19 дня, батюшки преп. Серафима.

Мир вам и благословение, дорогие мои, верные во Христе возлюбленные дмитровцы. Спаси вас Господи за гостинцы, которые привезла мне Таня. Цветите для Царствия Божия, завяньте совсем для ада. Будьте Божиим, а не вражьи. Друг друга любите, друг друга прощайте, не укоряйте, не судите, гнилых слов не говорите. В мире со страхом Божиим живите, смертный страшный час вспоминайте и суд Христов нелицеприятный никогда не забывайте, храм Божий усердно посещайте, в грехах кайтесь. Св. Христовых Тайн причащайтесь. Милость Божия и Покров Царицы Небесной да будет со всеми вами отныне и до века. Аминь. Е.С.»

Отбывая ссылку в Зырянском крае, владыка Серафим не оставлял своего архипастырского попечения о дмитровцах в меру тех полномочий, которые в то время предоставлялись Московскому викарию. Сообщение осуществлялось через письма: «Молюсь за вас, – писал он дмитровцам, – с воплем крепким и слезами, чтобы Господь оградил Церковь от вторжения лжеучителей... Молитесь за Архипастыря вашего, перед Животворящим Крестом молившегося».

В ссылке Божественную литургию владыка совершал ежедневно, весь круг богослужебный вычитывал неопустительно. Днем он уединялся на молитву в ближний лес. Здесь у него была пустынька и круглый холмик-кафедра. В праздники – соборное богослужение: епископ, четыре сослужащих протоирея, игумен и священник. Владыка обычно за всюнощной читал канон. Сделали орлец, митру, панагию с камушками, дикирий и трикирий деревянные, работы зырян.

В пасхальную ночь молились вместе, для торжественности сын хозяев стрелял в 12 часов. Даже соседи приходили, но власти скоро запретили посещать богослужение ссылных.

Келия владыки стала церковью во имя иконы Божией Матери «Скоропослушница»; у него был антиминс и образочек на бумаге, висевший в изголовье его нар во время заключения в Бутырках.

Как-то на Рождество 1925 года пришел с иконой местный священник отец Стефан.

– Вы к какой Церкви принадлежите, к Православной? – спросил владыка.

– Да, Ваше Преосвященство, к живой православной церкви.

– Как это? – спросил владыка. – Одно дело к православной, другое – к живой.

– Вам, должно быть, известно.

– Если хотите, чтобы я вас принял, должны отказаться от ложной церкви, покаяться и присоединиться к Православной Церкви вновь. Желаете?

– Желая, Ваше Преосвященство, – ответил убеленный сединами протоиерей и перед Крестом и Евангелием покаялся и дал обет быть верным Православию.

Однажды, посещая больного ребенка в Визинге, послушница Анна заразилась дифтеритом. Врач зырянской больницы сказал: «Я сейчас без лошади. Завтра приеду и заберу ее в больницу. Заболевание инфекционное, дома оставить не могу». Владыка, видя, что у Анны высокая температура, беспокоился: «Завтра пораньше, до приезда врача, пособорую тебя и причащу». Пособоровал послушницу и причастил. Через несколько часов приехал врач, измерил температуру – нормальная. Осмотрел дыхательные пути: «Теперь незачем брать, дома будет поправляться». Вскоре она совсем выздоровела.

Весной 1925 года окончился срок ссылки. В день Благовещения Пресвятой Богородицы пришла бумага об освобождении, и в это же утро пришла телеграмма о кончине Патриарха Тихона. Епископ Серафим пишет в Дмитров срочное послание:

«Всем, всем, оставшимся верным дмитровцам. Мир вам, утешение в скорбях ваших, исцеление в болезнях ваших, терпение в долгой разлуке нашей, родные мои, возлюбленные о Господе Иисусе, дорогие приснопоминаемые в недостойных молитвах моих, дмитровцы мои, Бога любящие и Богом любимые чада мои, мир и благословение.

Давно не видал я уже вас, давно не молился с вами, давно не причащал вас Чашей вечной Жизни, давно не беседовал с вами усты ко устам, лицом к лицу, давно...

Дмитровцы мои верные, дмитровцы мои родные, скорбит мое сердце вместе с вашим сердцем и за Ангела Хранителя нашего, веси, нивы наши благословлявшего всегда. Не стало его, ушел он. Словно не выдержало сердце его всей горечи, всей боли, всей скорби, всей неправды, измены евангельской правде церковной. Не выдержало, разбилось.

Помоги вам, Господи, это лишение с терпением понести и утерянное сокровище паки увидеть. Умоляю вас, яко детей своих родных: бойтесь волков в овечьей шкуре, живцов. Они полны дьявольской гордыни, самочиния, бесчиния, они сладко говорят, но горько их слушать, на языке у них мед, а на сердце лед. Яд аспидов под устами их, гроб отверст – гортань их, и, когда они говорят, говорят ложь, яко чада отца лжи – дьявола. Блюдитесь от них, не молитесь с ними. Они лишают души спасения. Храни вас Господь в вере православной тверды и незыблемы – о сем ежедневно молитвы мои к Пастыреначальнику Христу возсылаю.

Благослови вас Господь, укрепи, утверди. Видеть вас хочу, беседовать, петь Господу вместе хочу, стосковался уж по вас.

Болящие, не унывайте, ибо болезнями спасаетесь, бедные, не ропщите, ибо нищетою богатство нетленное приобретаете, плачущие, не отчаивайтесь, ибо утешение ожидает Духа Утешителя вас.

Не гневайтесь, не сетуйте друг на друга, не злобьтесь, не бранитесь, не гневайтесь, а злобьтесь только на грехи, на беса, к греху влекущего: гневайтесь на еретиков, с ними не мирствуйте, а между собой, верные в мире, в любви, в согласии живите.

Имущие, помогайте неимущим, богатый, больше давай, убогий, по силе своей милосердствуй... По сему уразумеют все, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.

Мир посылаю вам, мир Христов даю вам. Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами. Аминь. Отец».

Весенняя распутица задержала отъезд до 9 мая, когда в день просветителя зырян святителя Стефана Пермского тронулись, наконец, в путь из ссылки. К вечеру неожиданно нагнала тройка лошадей с сотрудниками НКВД, которые, остановив возчиков, долго убеждали их бросить епископа с послушниками в лесу, достали бурак с водкой и стали их угощать. «Мы честные, – возразили зыряне, – много всего возим и почту столько лет. Бросить их на съедение волкам и медведям мы не согласны». В Усть-Сысольске пересели на пароход... В Москве поселились в Даниловском монастыре. У владыки начались приступы каменной болезни печени. Несмотря на боли, необходимо было срочно явиться в дмитровское НКВД. Утренним поездом прибыли в Дмитров, но начальство объявило: «Ошибка! Немедленно на Лубянку! Срочно уезжайте в Москву!»

На Лубянке: «придите завтра», «послезавтра», «через пять дней» – в течение двух месяцев! «Значит, можно не ходить», – решил владыка.

Аносинская игуменья Алипия, которую епископ Серафим знал еще будучи архимандритом, предложила пожить в их обители. Матушка была заботлива, приветлива и сама искала себе и сестрам своим духовной поддержки. Под праздник Тихвинской иконы Божией Матери, вечером 8 июля 1925 года, прибыли в Борисоглебскую Аносину пустынь. У святых ворот встретили сестры.

В пустыни владыка ежедневно совершал Божественную литургию в храме великомученицы Анастасии. Вскоре у него возобновились приступы каменно-печеночной болезни, случавшиеся по два раза в месяц. Иногда боли, доводившие его до потери сознания, продолжались в течение девяти часов. Утром 25 февраля, в день святителя Алексия, начался сильнейший приступ. Думали, что он умирает. Долго был без памяти, затем стало легче. Сестры вышли и через полуоткрытую дверь слушали его дыхание. Вдруг владыка громко позвал: «Кто сейчас прошел по моей комнате в алтарь маленькой церкви за перегородкой?» Никто не входил. – «Это святитель Христов Алексий посетил меня, снимите грелку, встану». Оделся и – за перегородку в домашнюю церковь в честь Саввы Сторожевского. К общему удивлению, на престоле в алтаре горела лампада. Владыка надел малый омофор и начал служить молебен святителю Алексию. При последнем возгласе лампада вдруг сама угасла, в ней не было ни капли масла.

13 июля 1926 года владыку вызвали на Лубянку. В полдень он вернулся на Влахернское подворье и сказал: «Требуют выезда из Москвы. Предложили

Новгород, я попросил Дивеев. Получил назначение выехать на шесть месяцев в Дивеев или Саров. Сказали: “Будем организовывать Синод, а вы помешаете”».

Приехали в Дивеево в канун дня преподобного Сергия, 17 июля 1926 года. В течение долгого времени Дивеевская игуменья Александра не разрешала ссыльному владыке служить в храме. После его упорных просьб наконец согласилась – очистили подвальный храм во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали» под Тихвинской церковью. Здесь епископ Серафим стал служить раннюю литургию. Обычно он старался успеть закончить ее прежде, чем начнется служба наверху, для чего начинал литургию в четыре часа утра. После литургии шел на «канавку», обходя ее по завету преподобного Серафима, читая полтора часа «Богородице Дево, радуйся». Заходил в келейку преподобного Серафима, перевезенную в Дивеево из ближней пустыньки в Саровском лесу. Потом молился у алтаря Преображенской церкви.

1 августа 1926 года, в день прославления преподобного Серафима, епископ Серафим вместе с епископом Зиновием ездил на праздник в Саров. Народу было множество. При выносе мощей злоумышленники пытались опрокинуть гроб преподобного, но Господь не допустил. В день Успения Пресвятой Богородицы, на престольный праздник, владыка вновь, уже один, молился в Сарове. Это было последнее торжество в Сарове и последнее архиерейское служение епископа Серафима. Когда он вернулся в Дивеево, приехал представитель нижегородского НКВД и объявил: в Дивееве служение разрешается, в Саров въезд запрещен.

Эту зиму епископ Серафим жил в комнатах Елены Ивановны Мотовиловой, в корпусе за «канавкой». 14 февраля 1927 года, после всенощной под Сретение, которую совершали дома в келии, он вдруг бросился к окну, к одному, к другому, с молитвенными восклицаниями: «Пречистая Дева Богородица идет по канавке. Не могу зреть пречудной Ее красоты и неизреченной милости!»

Бывало, владыка делился своими скорбями с блаженной Марией Ивановной. сетовал, что брат Михаил все собирается принять священство, но это ему не удастся. «Так дьячком и помрет», – заметила блаженная. Беспокоило владыку и то, что нет у них с игуменией Александрой надлежащего духовного общения. «На одной лошади из Дивеева вывезут», – ответила блаженная Мария Ивановна.

В Дивееве стал владыка свидетелем того, как из Сарова 30 марта 1927 года увезли мощи преподобного Серафима.

Осенью 1927 года приехали представители власти и объявили о закрытии Дивеевской обители. Пришли к владыке. «Куда хотите выехать?» – спрашивали. «На место своего служения – в Дмитров. И больше никуда». Незваные гости зачастили. Святыни пришлось убрать, поделили частички от келии, от лычка, от вещей преподобного. Мать игуменья дала епископу часть мощей от главы преподобного Серафима.

Рождество Пресвятой Богородицы, престольный праздник обители, прошел благополучно. В ночь под 22 сентября были арестованы епископы Серафим и Зиновий, игуменья Александра, старшие сестры и духовенство. Владыка выехал из Дивеева в одном с игуменией тарантасе, за кучера – владыка Зиновий и милиционер. Всех заключили в Арзамасскую тюрьму.

26 сентября, вечером под Воздвижение, когда во всех храмах выносили Животворящий Крест Христов для поклонения, заключенных этапом отправили в Нижний Новгород. Вскоре из Нижегородской тюрьмы пришли известия, что у владыки Серафима опять начались приступы каменной болезни. 8 октября 1927

года епископов Серафима и Зиновия, игуменю Александру освободили, но 17 октября 1927 года епископов неожиданно вызвали в Москву. В Москве они искали пристанища, и владыка сказал: «Легче упокоиться навеки, чем так скитаться». На другой день отправились в главное управление ОГПУ. Их пригласил Тучков, принял вежливо. Предложил:

– Кого будем вам посылать для посвящения – посвящайте. Вот Вы, епископ Зиновий, и Вы, епископ Серафим, поезжайте, управляйте епархиями. Побывайте у митрополита Сергия, приходите, договоримся и поедете.

– Я морально не могу, – отвечал владыка Зиновий.

– Я монах, при посвящении во епископы давал обет управлять по каноническим правилам, – сказал епископ Серафим.

– Тогда в 24 часа выезжайте из Москвы подальше.

– Я – в Муром, – решил епископ Зиновий.

– А я – в Меленки, – сказал владыка Серафим.

– Ну что же, езжайте, только живите тихо, – предостерег Тучков.

Епископ Серафим подал митрополиту Сергию прошение об увольнении из штат. Такое же прошение подал и епископ Зиновий.

В город Меленки Владимирской губернии перебрались к концу октября. Дмитровцы, узнав новое местопребывание епископа, навестили его. Приезжало духовенство, дмитровское и московское, монашествующие и миряне. Извозчики, выезжая за архиерейскими гостями, сами указывали его место жительства. Шли пешком странники, богомольцы к владыке Серафиму, и «никто же тощ и неутешен от него отыде». Владыке говорили, что начальству не нравятся частые посетители, как бы не забрали. «Пусть поездят, все равно ведь заберут», – отвечал владыка. На первой неделе поста он просил никого не приезжать. Уединялся в келии, с домашними до пятницы не говорил, ничего не вкушал, даже Святые Тайны не запивал теплотой. Ночью ежедневно в два часа служил полунощницу. Иногда случалось так: среди ночи, когда он читал правило, дверь келии отворялась от ветра. Послушницы подходили, полагая, что он отворил дверь сам, приглашая войти. Заглянув в нее, видели владыку, в молитве лежащим ниц на полу, повергшегося перед иконами, крестообразно раскинув руки...

Размеренно текла жизнь в Меленках около пяти лет. Все пять лет владыка за ворота не выходил.

В декабре 1931 года нагрянули с обыском сотрудники ОГПУ. Дочь хозяйки дома, где жил владыка, Марию Лаврентьевну в полночь увезли в Иваново, и вернулась она лишь через два месяца. В разговорах она намекала, что всех ждет тюрьма.

Наступила Лазарева суббота. После всенощной, когда ужинали, раздался стук и вошли трое. Во время придирчивого обыска взяли паспорта, а ранним утром 11 апреля, в Вербное воскресенье 1932 года, послушниц повели в ОГПУ. Бледный от болезни владыка просил следователя, когда уводили послушниц: «Не обижайте их, и вас Господь помилует. Не забудьте моей о них к вам просьбы, а я вас не забуду». Из раскрытого окна он благословил арестованных девушек.

«Не надейтесь на своего Бога, – говорили тюремщики. – Он вас не освободит, из наших рук никто не освободит вас». Но... из Москвы пришло распоряжение об освобождении.

После ареста послушниц епископа Серафима оставили под домашним арестом. В тюрьму его взяли 23 апреля во время приступа желчной болезни. 25 апреля владыку отконвоировали в Москву на Лубянку и поместили во

внутреннем изоляторе, где уже находился епископ Арсений (Жадановский); его вскоре отпустили, а епископ Серафим остался в заключении. В июне с Лубянки перевели в Бутырскую тюрьму, и 7 июля 1932 года был вынесен приговор – три года ссылки в Казахстан.

В Алма-Ату владыка с послушницами прибыли 1 августа и поселились на терраске в чуланчике. Разреженность воздуха действовала на сердце, вызывая тяжелые приступы. Чуть ли не каждые два дня бегали за врачом: казалось, владыка умирает... На террасе осенью стало холодно: начались нарывы, ревматизм, зубная боль, малярия... Отец хозяйки собирал милостыню. Вернувшись домой, доставал лучшие куски и прянички из мешочка, делился с владыкой. Епископ брал и благодарил: «Спасибо, дедушка». – «Богу Святому спасибо, а не мне». 10 ноября 1932 года владыку вызвали в ОГПУ и приказали отправиться в город Гурьев.

Зима в Гурьеве прошла в скудости и нищете. Анна рисовала и вышивала, кормилась, продавая ее изделия, но на праздник иконы Божией Матери «Живоносный Источник» вдруг посетила ссыльных милость Божия – телега посылок с крупой и сухарями.

17 июля 1933 года, во время совершения литургии, явился представитель ОГПУ – владыку перевели в Уральск.

1 августа, в день памяти преподобного Серафима, началась в Уральске новая жизнь в маленькой хатке. Здесь устроили келию-церковь, снова стали постоянно служить, но вскоре владыка заболел малярией. Страшные приступы повторялись ежедневно, хина не помогала. Он терял сознание и приходил в себя лишь через несколько часов. Врач каждый раз предупреждал о возможности смертельного исхода в ближайшую ночь. Исцеление пришло неожиданно в день празднования памяти святого Иоанна Тобольского. С 23 июня, после двух месяцев болезни, приступы прекратились. По совету врача подали прошение переменить место ссылки, но ответа не последовало.

Наступила зима. Рамы в доме были одинарные, на окнах – лед, кругом снег и темнота. Листья деревьев и хворост из государственного сада запасали на дрова, а верблюжий навоз – для самовара. Голодно, цены высокие, не было ни хлеба, ни картофеля. Собирали в полях зеленый капустный лист и рубили в маленькую кадочку. В дни получения посылок был праздник, чувствовали помощь Божию и любовь духовных чад.

В Крещенский сочельник, когда епископ Серафим готовился к водосвятию, пришел представитель ОГПУ и объявил, что ссыльного переводят на жительство в Омск.

23 января 1935 года, в 35 градусов мороза, выехали из Уральска, но, к счастью, через Москву. После трехлетнего отсутствия в Москве на Павелецком вокзале встретили духовные чада. Утром владыка причастил пришедших, и после молитвы все собрались вокруг владыки, а он поучал с теплой, отеческой любовью свою московскую паству в последний раз. 28-го вечером провожали в Омск с Ярославского вокзала, принесли на дорогу денег и гостинцев, чем очень поддержали.

30 января прибыли в Омск. После пяти дней пребывания в Омске ОГПУ приказало немедленно выехать в Ишим. Прибыли туда 3 февраля 1935 года ночью. До апреля, когда оканчивался срок ссылки, оставалось три месяца. Здесь нашелся старичок Александр Павлович, который пригласил владыку на жительство в дом с палисадником и квартирой на втором этаже. «Горницу

усланною, яко красная палата», показалась комната ссыльным. Прежде всего устроили домашнюю церковь, и жизнь пошла обычным порядком: молитва утром, Божественная литургия, чай, отдых, чтение Священного Писания, чай, вечерняя служба, небольшой ужин, вечерние молитвы – и затворялся владыка, соединяя с отдыхом молитву и чтение даже и ночью. Прошла Пасха, наступило лето 1935 года. Срок ссылки закончился, но освобождения владыка не получил. Только осенью пришли бумаги. На предложение выбрать место жительства (минус шесть городов) епископ Серафим ответил, что решил остаться в Ишиме, где ему дали паспорт на жительство.

Добираться из Москвы до Ишима можно было без пересадок; не близко, но доступно всем. Духовные чада приезжали каждый месяц, привозили исповеди от всех и вопросы – владыка всем отвечал.

Во время частых болезней и сердечных приступов владыка говорил: «Умираю, прощайте, мои дорогие. Кто-то меня отпевать будет?» 1 июля 1936 года пришло сообщение о смерти брата Михаила. «Я остался один из семьи, моя очередь», – сказал владыка и даже отслужил по себе отпевание. В конце 1936 года епископ Серафим хотел принять великую схиму, но постриг устроить не удалось.

В Ишиме Анна заболела тропической малярией. Три дня была без сознания, температура – выше сорока. Врач сказал, что такая форма малярии смертельна, но, когда владыка причастил Святых Христовых Тайн, – температура стала нормальной и больше не повышалась. Только тогда ей сказали, что ее считали безнадежной.

С Рождества 1937 года в Москве начались массовые аресты духовенства. Всю зиму владыка Серафим каждое воскресенье, произнося отпуст, добавлял: «Воскресый из мертвых Христос, истинный Бог наш... помилует и спасет нас. Слышишь: не только помилует, но и спасет, непременно помилует, непременно спасет».

Еще осенью хозяина вызывали в НКВД и обязали немедленно сообщить, если он заметит у владыки какие-либо приготовления к отъезду. Последнее время какие-то лица следили за каждым шагом ссыльных.

23 июня, в день памяти святителя Иоанна Тобольского, покровителя Сибири, владыка после службы и чая вышел в садик; возвращаясь, пропел дома «вечную память». Окончив вечерние молитвы, владыка ушел к себе. В это время через палисадник в дом вошли работники НКВД. Начался обыск, проверили все и увезли владыку в 5 часов утра 24 июня 1937 года. С Ишимской тюрьмы начался последний этап земной жизни владыки Серафима.

В ночь с 23 на 24 июня 1937 года в Ишиме арестовали 75 священноцерковнослужителей. Владыка был еле жив, вновь начались сердечные приступы, добавилось кишечное заболевание, температура 40°. В ответ на передачи писал дрожащей рукой, прося помощи, но тюремные стражи говорили, что температура не избавляет от этапа... 18 июля разрешили свидание, предупреждая: «Прощайтесь навсегда. Больше никогда его не увидите».

28 июля Анна и Клавдия, принешие передачу, увидели, что во дворе тюрьмы идет переключка и заключенные стоят рядами. Когда пересчитали всех, владыку с вещами посадили на повозку. «Прощайте, мои дорогие, больше не увидимся», – успел сказать он. У вагонов конвой обыскивал заключенных. Душно было, как перед грозой, и узники попросили попить. Послушницы умоляли

конвоиров дать воды, но те отказали: нет разрешения, воду можно передать только кипяченую и с печатью врача.

Епископа Серафима поместили в товарном вагоне. Когда поезд уходил из Ишима, владыка трижды перекрестился и осенил обеими руками по-архиерейски остающихся. «Никто из наших попов не перекрестился, – заметили жители Ишима, – только владыка сам перекрестился трижды и всех нас благословил». Различие это бросилось в глаза, потому что в Ишиме было много обновленцев.

На следующий день Анна и Клавдия встретили поезд на железной дороге близ Омского вокзала. «Вот началась моя схима», – успел сказать им владыка. Путники изнемогали от жажды – прошли сутки без питья в июльскую жару. Говорили, что в тюрьме теперь всем остригают волосы, и владыка просил Анну: «Похлопочи, чтобы меня не стригли». Анна побежала хлопотать, и в прокуратуре распорядились: «московского архиерея не стричь»...

Стражники выводили арестованное духовенство, сажали в «черный ворон» и везли в тюрьму. Потом из набитой заключенными зловонной тюремной камеры узников отправили на кирпичный завод, превращенный в лагерь.

Передачу не брали, справок не давали: «У нас такого нет». Служащие признавались: «Хотя он и здесь, но иначе говорить не приказано. Находится там, куда передачи не допускаются». В Омской тюрьме епископ Серафим пробыл в камере-одиночке девять дней, затем – снова в переполненной камере, где были обновленцы, духовенство, снявшее с себя сан, и уголовники. Владыка страдал от камней в почках, мучился болями. Возле него на пол положили заключенного, избитого уголовниками до полусмерти. Епископ Серафим утешал его, подавал пить, кормил, и бедняга растрогался: «Никто не жалел. А Вы, сам больной, ухаживаете за мною». Владыка отвечал: «Есть душа, которая еще больше меня страдает».

В одной из записочек он написал: «Я светел, бодр и радостен. Господь подкрепляет и окрыляет сознанием своей правоты, несмотря на тяжкие условия».

23 августа 1937 года тройка при Управлении НКВД по Омской области приговорила епископа Серафима (Звездинского) к расстрелу. 26 августа 1937 года приговор был приведен в исполнение.

Составитель И.Г. Менькова

**«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века
Московской епархии. Июнь-Август»
Тверь, 2003 год, стр. 126-151.**

Библиография

Иоанна (Патрикеева), схимонахиня. Епископ Серафим (Звездинский). Рукопись.

ЦА ФСБ. Д. 123373.

ЦА ФСБ. Д. 9315.

РГА ДА. Ф.1207. Чудов монастырь, е.х. 953.

Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М., ПСТБИ. 1995.